

*В.В.Журавлев,
доктор исторических наук,
Российский независимый институт
социальных и национальных проблем*

Россия конца 1994 г.: патовое состояние общества и возможные варианты выхода из него

За то время, пока готовилась наша встреча, зафиксированная в программе симпозиума тема моего выступления "Политическая культура в России: вчера, сегодня, завтра" уже получила апробацию в печати. По сложившейся традиции хочу отослать интересующихся к сборнику "Новый "Октябрь" в оценке историков" (М., 1994) и к обширной публикации в "Независимой газете" от 4 февраля 1994 г., где изложены основные моменты моего подхода к этой проблеме. Данное обстоятельство позволяет мне сосредоточиться на более близком к основному вопросу симпозиума аспекте анализа современной ситуации в стране и альтернатив ее дальнейшего развития. Это неизбежно обращает нас и к вопросам отечественной политической культуры, но взятым в динамике, реализующим себя в живой ткани текущих событий.

Вторая половина 1994 г. прошла как для власти, так и для оппозиции в режиме тактического маневрирования. Власть ищет пути закрепления своей пока еще временной стабилизации в широком диапазоне, включающем в себя и стремление придать дыхание отвлекающим играм в "национальное согласие"; и попытки убедить общественность в необратимости экономической стабилизации и близости подъема в стране; и мероприятия по укреплению силовых структур, сплочению их вокруг Президента, по демонстрации эффективности удара "железного кулака" (ввод войск в Чечню); и поиски путей и средств того, как отсрочить президентские выборы, а то и вообще сделать их ненужными (благодаря введению чрезвычайного положения в стране, восстановлению монархии и т.д. и т.п.);

активное перехватывание у оппозиции ряда ее лозунгов, в том числе патриотического толка ("не отдадим ни пяди русской земли", "не поступимся национальными интересами России в Европе и мире" и т.п.)» Власть демонстрирует свою активность и гибкость практически по всем направлениям. За исключением, как это ни парадоксально, главного — в сфере социально-экономической политики. Нежелание серьезно корректировать, а тем более менять эту зашедшую в тупик политику диктуется, надо полагать, не только отсутствием конструктивных идей на этот счет, но и подспудной убежденностью, что время само расставит акценты в пользу властей преобладающих. Социальная апатия и политическая индифферентность масс — главный источник этой убежденности.

Данный фактор составляет решающее обстоятельство, определяющее и слабость оппозиции, ее неспособность на данном этапе перехватить инициативу. Убедившись в неэффективности воздействия на политический курс страны представительных органов власти, обращая все свои надежды на президентские выборы 1996 г., она вместе с тем не может не понимать, что пока не только не вправе быть уверенной в их успешности для себя исходе, но даже не способна обеспечить их своевременность, помешать маневрам власти, имеющим цель их отсрочить или даже отменить. Шаткость положения, разобщенность, усугубление "комплекса неполноценности" оппозиции заставляют отдельные ее силы искать самосохранения в старой кадетской тактике "бережения" Государственной думы и в других, ставших декоративными, атрибутах демократии.

На пороге 1995 г. круг российского политического процесса — протяженностью в 90 лет, — отправной точкой которого стал Манифест 17 октября 1905 г. ("даровавший" народу ключевые политические свободы, которые вскоре были отобраны у него), вновь как бы замкнулся. Тенденции к укреплению авторитарного режима, осененного имперским двуглавым орлом, стали просматриваться вполне отчетливо, как и ритуальный характер парламентско-представительных довесков к нему. Не лишает процесс альтернативности одно важное обстоятельство: режим находится в состоянии тяжелого кризиса. У него нет конструктивных идей, достаточных сил и глубоких корней в обществе, нет реальных рычагов вывода страны из постигшего ее социально-экономического коллапса. Как, впрочем, нет пока их и у оппозиции.

Пытаясь осмыслить проблему, куда пойдет Россия, необходимо вначале максимально наглядно оценить, где она оказалась на данном этапе "революции сверху". Представляется, что российское общество к исходу 1994 г. забуксовало где-то в промежутке между тоталитарным прошлым и ожидаемым отечественными либералами весьма туманным будущим. При этом по отдельным параметрам величина пройденной от первого ко второму дистанции выглядит весьма неоднозначно. Если путь, совершенный страной от плановой государственной монополии к элементам свободного рынка можно признать заметным, а от примитивной уравнительности в сфере распределения к столь же примитивному резкому разделению общества на богатое меньшинство и нищее большинство — впечатля-

ющим, то по уровню реализации личных прав и свобод своих граждан общество пребывает в целом на сходных с прошлым позициях. Движение же страны от авторитаризма к политическому плюрализму не просто замедлилось, здесь в последний год наметились тревожные тенденции к реверсии, возвращению на исходные деперестроечные позиции.

Суммируя, можно сказать, что на смену деформированному социализму мы все с большей определенностью получаем *уродливый конгломерат полусостынных*, тяготеющих к тому, чтобы приобрести застойный характер.

Общество в экономическом, социальном и политическом отношениях оказалось в патовом положении, когда для весьма значительной части его представителей перспективы, с одной стороны, движения вперед (чреватые дальнейшим расслоением, потерей последних осколков социальных прав и гарантий старого толка без надежды на новые) и, с другой стороны, возврата назад, к исходному тоталитарному состоянию, *практически сравнялись* в своей обоюдной непривлекательности. Отсюда — торжество поведенческого принципа "чума на оба ваши дома" в отношении к власти и оппозиции, углубление состояния социальной апатии и политической индифферентности широких слоев населения, глубоко униженных и оскорбленных не тем даже, что они остались ни с чем в процессе грандиозного передела собственности и власти, а — к чему традиционно чуток наш соотечественник — бесстыдством этого дележа среди бела дня.

Но такое состояние, естественно, не может сохраняться вечно. Если руководствоваться логикой развития социально-политических явлений с учетом исторического опыта и устойчивых традиций российского политического процесса, то можно выделить три наиболее вероятных варианта дальнейшего развития событий.

Первый вариант. Расчеты власти, что все образуется само собой, в той или иной степени оправдаются. Это позволит ей естественный ход событий поставить себе в заслугу и надежнее "оседлать" политический процесс, действуя все более авторитарными методами.

Второй вариант. Дальнейшее ухудшение социально-экономического положения страны, допущенные властью новые просчеты и провалы, переход масс к иной — социально активной — стадии кризиса доверия к власти, пополнение рядов, сближение между собой отдельных сил и ветвей оппозиции вдохнут в нее новые силы. В этой обстановке, чтобы реализовать благоприятные для себя обстоятельства, оппозиции потребуется решить чрезвычайно сложную, если не безнадежную, проблему лидера, способного всколыхнуть новые импульсы веры в глубоко изверившихся массах. Это может стать главным "но" на пути к власти известных нам сегодня сил и течений оппозиции.

Вместе с тем потребность в харизматическом лидере общенационального масштаба сегодня как никогда велика в самых различных (в том числе непримиримо настроенных по отношению друг к другу) слоях общества. Рассматривая эту потребность с позиций присущего многим россиянам соборного политического сознания, правомерно увидеть в ней и реакцию на то обстоятельство, что известные сегодня "водители" как власти, так и оппозиции в обстановке патового

состояния общества обречены лишь на то, чтобы терять свои очки и шансы на власть. А это, в свою очередь, позволяет ставить вопрос о возможности *третьего варианта* развития событий. Судьбу борьбы за власть может решить внезапно — для непосвященных — ворвавшийся на политическую авансцену (в результате не подлежащего прогнозированию, но яркого, способного обратить на себя всеобщее внимание из ряда вон выходящего акта) деятель, не связанный до того видимыми узами ни с властью, ни с оппозицией. Военный или иной государственный переворот — не лучшая почва для появления такого рода деятеля. Ему потребуется для своего триумфа обстановка (или ее убедительная видимость) именно народного волеизъявления. При этом содержание программы, мировоззренческое и политическое кредо могут быть второстепенными факторами его политического возвышения. Главным же может оказаться такое непременно потребующееся от него качество, как способность излучать импульсы надежности, всем своим обликом внушая: вот на этот раз ваши ожидания не будут обмануты. В неприменный лозунг "Навести порядок, покончить с беспределом!" новый лидер сможет, в зависимости от обстоятельств, вложить практически любой смысл, ибо от уже известных деятелей и власти и оппозиции "молчаливое большинство" народа никакие призывы воспринять, судя по всему, более не в состоянии.

В этой многовариантности гипотетически возможного социально-политического облика, черт и качеств будущего "спасителя Отечества" — неизбежное следствие патового состояния увязающего в трясине общества, готового ухватиться практически за любой вариант выхода из ситуации, способный выглядеть в глазах большинства как если и не убедительный, то хотя бы обнадеживающий. Вместе с тем складывается впечатление, все более переходящее в убеждение, что страна через надежды и разочарования, муки потерь вплотную подходит к порогу действительного (а не навязываемого ей в спекулятивно-демагогических целях) исторического выбора. Ввиду его всеобщности каждая заметная социальная сила, каждое влиятельное политическое движение получает свой шанс в той или иной степени воздействовать на формирование непростой парадигмы этого выбора. Отдельные социальные и политические силы общества ощущают сложившийся на этот счет модус вивенди. Исторический опыт страны также говорит о преимуществе шансов по реализации *третьего варианта* при наличии соответствующих предпосылок. Отсюда — лихорадочность нащупывания, прокручивания по типу рулетки, альтернатив в ходе так рано начавшейся президентской предвыборной кампании, настойчивость разнородных усилий, исходящих как от оппозиции, так и от власти. На данном этапе, правда, эти усилия носят верхушечный характер и слабо корреспондируются с подспудно зреющими настроениями массового избирателя.

Есть основания считать, и социологические опросы все определеннее фиксируют это, что сегодняшняя вялость, индифферентность весьма значительной части электората подразумевают не только его безразличие и разочарование, но и растущие упования на появление в результате будущих президентских выборов лидера

страны, способного найти выход из нынешнего ее анемичного состояния. В зреющем ожидании этого нового лидера заложены зерна и куда более сокровенной надежды — уже не на демократическое, либеральное, консервативное или какое-либо иное определенное кормило правления, но на власть *соборную*, дерзающую охватить интересы общества в целом. Высокоученые политологи скажут, что это утопия, и, скорее всего, будут правы. Но правда и то, что без утопии и без надежд не было и нет России. В итоге выиграет не тот, кто будет потешаться над "предрассудками и химерами" массового сознания, а тот, кто наилучшим образом отреагирует на них.

Итак, обстановка патового состояния общества открывает дорогу новому параду иллюзий, новой схватке изошренных в политиканстве иллюзионистов. Но она дает и еще один — пусть малый — шанс на то, что рельсы политики будут теснее соприкасаться с почвой российских реалий. Какая из этих тенденций возобладает на этот раз — покажет лишь будущее.

Если же исполнительная власть решится на действия, игнорирующие эти чаяния, она рискнет столкнуться с таким характерным и для далекого и для недавнего прошлого страны явлением, как резкий переход масс от глубокой апатии к безоглядной пассионарности.